

Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон*

Е. В. Самостиенко

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Россия, г. Нижний Новгород.
ORCID: 0000-0002-7687-8560. E-mail: eugeniasuslova@gmail.com

Аннотация: в статье подробно исследуется феномен цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) в контексте теории «зон обмена» Питера Галисона, понимаемых как «локальная координация убеждений и действий». Цель исследования – показать, что способы производства знания, работающие в цифровой гуманитаристике, влияют на механизмы ее институционализации. В статье подробно анализируется отношение *инструмент – знание – институционализация* и делаются выводы об актуальных и потенциальных моделях институционализации этой «зоны обмена» в русскоязычном контексте. Материалом для статьи стали исследования по теории и методологии Digital Humanities, учебники, хрестоматии и методические пособия для студентов, цифровые гуманитарные проекты, а также пять интервью с исследователями, активно работающими в поле цифровых гуманитарных наук. Сфера Digital Humanities имеет проблемный дисциплинарный статус и ни по своей структуре, ни по практикам не может быть названа междисциплинарным образованием.

В ходе исследования мы показываем, что цифровые гуманитарные науки функционируют как своего рода когнитивная лаборатория, имеющая виртуальные расширения в цифровом пространстве. Рассматривая отношение стратегий производства знания и разработку инструментов, мы приходим к выводу о том, что без понимания природы гуманитарного знания, в свернутом виде хранящегося внутри цифровых аналитических инструментов (например, инструментов для анализа текста), невозможно осмыслить эпистемологический вектор цифрового гуманитарного исследования. Можно сделать вывод о том, что цифровые гуманитарные науки тяготеют к рассеянному способу функционирования: конференции, проекты, кросс-институциональные объединения, коллективный характер исследовательских практик, успешное функционирование внеинституциональных исследовательских проектов, что напрямую связано со способами производства знания в цифровых гуманитарных науках.

Ключевые слова: эпистемологический вызов, зона обмена, способы производства знания, цифровые гуманитарные науки, аналитические инструменты.

Digital Humanities: дисциплина или ... ?

Digital Humanities – это понятие, ставшее уже привычным для контекста российской гуманитарной науки. На сегодняшний момент можно видеть различные способы существования Digital Humanities в русскоязычном культурном пространстве: в виде академических дисциплин, например в виде прикладной и компьютерной лингвистики, в виде летних школ (например, Третья Московско-Тартуская школа по цифровым гуманитарным исследованиям), исследовательских центров (Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ¹), цифровых гуманитарных проектов исследовательского и медиасоциального характера (например, «Прожито»², «Устная история»³, «Обнинский цифровой проект»⁴ и др.).

Однако практики существования Digital Humanities не проясняют характер феномена или проясняют лишь отчасти, делая акцент на инструментах и результатах исследованиях [14; 15]. Основная цель этой статьи – показать, что Digital Humanities можно описать, выстраивая аналитику вокруг триады *инструмент – знание – институционализация*. Мы хотели бы подчеркнуть, что Digital Humanities не является гуманитарной «дисциплиной» в общеприня-

© Самостиенко Е. В., 2018

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

¹ Сайт Центра гуманитарных исследований НИУ ВШЭ: <https://hum.hse.ru/digital/>

² Сайт цифрового гуманитарного проекта «Прожито»: <http://prozhitto.org/>

³ Сайт цифрового гуманитарного проекта «Устная история»: <http://oralhistory.ru/>

⁴ Сайт «Обнинского цифрового проекта»: <http://obninsk-project.net/>

том смысле или чисто междисциплинарным образованием, а скорее функционирует как специфическая зона обмена, включающая в себя большое количество автономных зон и создающая нечто наподобие рассеянной когнитивной лаборатории, содержащей не только идеи, но и информационно-технологический базис, набор коммуникационных практик и инструментов, с помощью которых эта сфера оказывается вписана в более широкую социокультурную и технологическую инфраструктуру. И. Т. Касавин пишет, опираясь на понятие «предпарадигмального опыта» (Т. Кун), что «врачи, печатники и моряки не стали первыми учеными Нового времени, напротив, с университетской точки зрения они были людьми невежественными. Однако они создавали и умножали запас практического, эмпирического знания, в то время как идеология гуманизма не могла стать методологической и содержательной базой новой науки. <...> созданные ими коммуникативные структуры – аптека, типография и палуба корабля – явились институциональными посредниками между средневековым университетом и нововременной академией наук» [7, с. 72].

Механизмы автономизации знания – своего рода капсуляции системы производства, хранения и передачи – исторически обусловлены: научная дисциплина как форма автономии тесно связана с социокультурными и технологическими особенностями времени, когда она формировалась – начиная с эпохи средневековых университетов и вплоть до науки XIX в. (эпоха конца XIX в. и всего XX в. отмечена тенденцией не столько к автономизации, сколько к интеграции и интердисциплинарности). С включением лабораторий в состав университета, что происходит достаточно поздно, в третьей четверти XIX в., он теряет свою гомогенность. Стив Фуллер пишет о том, что «это была по большей части защитная реакция на доказанную финансовую прибыльность исследований, которые обычно финансировались индустрией и располагались в политехнических институтах» [13, с. 75].

Сегодня, когда цифровые среды и инструменты существенно меняют способы создания, аккумуляции и трансляции знания, требуются иные формы автономии, что качественно влияет на сам модус существования гуманитарного знания. Digital Humanities – хороший пример, чтобы показать, как стратегии производства знания связаны с установлением широко понимаемых социальных практик, в том числе с механизмами институционализации.

В качестве материала для написания этой статьи использовались источники по истории и методологии Digital Humanities, а также своего рода учебники и методические пособия по «дисциплине». Также при подготовке этой статьи мы взяли интервью у пяти исследователей, работающих в поле Digital Humanities в России: Галины Орловой и Анны Котоминой (устные экспертные интервью), Андрея Володина, Бориса Орехова и Дениса Сивкова (письменное интервью на основе опросника).

Начнем с обзора подходов к тому, как Digital Humanities определяется в англоязычном академическом контексте. На раннем этапе формирования области цифровых гуманитарных наук предпочтительным было использование термина «гуманитарная информатика» (Humanities Computing). Несложно увидеть, что акцент сделан на технической составляющей. Этот период можно обозначить как период «эkleктики», для которого характерно механическое соединение гуманитарного и технического компонентов. Среди основных приоритетных направлений можно назвать создание баз данных, оцифровку культурного наследия и создание цифровых инструментов. Лев Манович в статье «База данных как символическая форма» пишет, что после романа и киноповествования именно база данных становится ключевой формой выражения современности: она не имеет ни начала, ни конца, а все элементы в ней абсолютно равноправны [19].

Зачастую можно было увидеть, что значение Humanities Computing фактически сводится исследователями к созданию инструментов. Джон МакГанн настаивает на том, что «только создание инструментов и технических средств собственными силами позволяет научиться производить и использовать информационные объекты» [9, с. 79].

Еще одна точка зрения – цифровые гуманитарные науки вообще не являются научной областью: «Гуманитарная информатика сама по себе не признается отдельной дисциплиной. Ученые, работающие в гуманитарной информатике, часто обладают слишком “техническим” инструментарием для того, чтобы их финансировал гуманитарный отдел фонда. С другой стороны, эта область деятельности не считается “достаточно технической” для того, чтобы ее финансировали отделы инженерных или компьютерных наук» [12, с. 96]. Мэтью Киршенбаум определяет Digital Humanities как своего рода «методологическую перспективу» (methodological outlook), а не как «вклад в какой-либо специфический набор текстов или даже технологий» [18].

Сложности, с которыми сталкиваются Digital Humanities на этапе своего становления, симптоматичны и свидетельствуют не столько об организационном коллапсе, сколько об эпистемологическом парадоксе. На этом этапе еще не сформирована промежуточная зона, в которой возможно производство качественно нового знания, однако уже сформулирован запрос на новую информационную онтологию, новые способы картографирования знания и его трансляции. Джон Ансворт в статье «Чем является и чем не является гуманитарная информатика» описывает сложившееся положение дел в современной гуманитарной науке следующим образом: «В некотором смысле наше будущее – это семантически структурированная сеть, которая требует формального отображения человеческих знаний. Представленные данные – онтологии, схемы, системы знаний, вне зависимости от их названия, – должны выводиться в компьютерный формат специалистами-гуманитариями. Эти специалисты должны обладать знаниями элементарной математики, логики, инженерии и программирования» [2, с. 72].

В более поздних текстах, посвященных миссии цифровых гуманитарных наук, мы видим уже иную картину. В манифесте Digital Humanities 2.0. утверждается, что, «первая волна цифровой гуманитаристики была количественной, мобилизующей возможности поиска и извлечения из базы данных, автоматизируя корпусную лингвистику, укладывая гиперкарты в критические массивы. Вторая волна является качественной, интерпретирующей, эмпирической, эмоциональной, генеративной по своему характеру» [20], а в качестве ключевых свойств называются разделенность труда, открытость (open source, open access и т. д.) и курирование данных. Здесь уже не идет речи о дисциплинарных границах.

Джоанна Дракер и ее коллеги систематизируют подход к Digital Humanities: они начинают с описания языка разметки, то есть с понятия данных и работы с ними, затем переходят к интерфейсам и цифровым гуманитарным проектам, то есть в своем «учебнике» она представляет цифровую гуманитаристику как самостоятельную дисциплину со своим объектом, методами и методиками и форматами репрезентации результатов в виде цифрового гуманитарного проекта [17]. Однако в книге речь идет преимущественно о технических вопросах, при этом обходятся очевидные эпистемологические сложности.

Джон Ансворт также пишет о том, что «формы представления данных, в свою очередь, приведут к созданию сети тем, сети “торговых зон”⁵ – этим термином Уиллард Маккарти назвал процессы, происходящие в цифровых гуманитарных науках. Этот термин был заимствован из книги, автор которой использует концепции антропологии для объяснения происходящего в физике» [2, с. 72].

Здесь автор, очевидно, ссылается на Питера Галисона, однако не все так очевидно: Галисон как раз и пишет о том, что простого «приспособления» одних сфер знания и практик к другим не происходит. Рассмотрим подробнее концепцию «зон обмена».

Digital Humanities как зона обмена

Метафоры, с помощью которых можно помыслить те или иные социально значимые символические практики, например науку, тесно связаны с практиками перевода. Цифровая культура позволяет поставить вопрос о переводе и переводимости: что и куда переводится и как можно обозначить само пространство перевода?

Мы выделяем несколько уровней перевода: 1) интралингвистический перевод (перевод в рамках одного языка, например практики реферирования и схематизации); 2) межъязыковой перевод (например, перевод с одного естественного языка на другой); 3) интермедиальный перевод (практика, базирующаяся на процедуре транскодинга, когда все данные в цифровой среде уравнены бинарным кодом, благодаря чему звук с легкостью может быть переведен в цвет и так далее, а также такой тип перевода может проявить себя в креолизованных текстах); 4) интердискурсивный перевод (когда элементы языка, характерные для одного типа дискурса, используются в другом, как, например, в случае с объектно-ориентированными языками программирования, в которых используются слова естественного языка, но при этом происходит их рефункционализация); 5) интерсистемный перевод, в ходе которого различные системы обмениваются элементами своих языков.

В ходе реализации социокультурных практик эти слои определенным образом взаимодействуют, например, Н. С. Автономова показывает, что возникновению «рефлексивного язы-

⁵ В книге используется перевод «торговая зона». Мы же везде придерживаемся использования термина «зона обмена» (trading zone). – Е. С.

ка» (языка философии) практически всегда способствует ситуация асимметричного билингвизма, когда один язык является официальным и/или литературным, а второй – разговорным, языком повседневности и бытового общения [1].

На наш взгляд, именно последний тип перевода (интерсистемный) имеет наибольшее значение в случае осмысления Digital Humanities как зоны обмена и напрямую влияет на модели производства знания, тесно связанные с первым типом перевода – интралингвистического перевода. Именно практики интерсистемного перевода позволяют создавать новые модели интралингвистического, интермедиального и других типов перевода, например в случае цифровой эпохи речь идет о создании информационно-коммуникационной структуры, внутри которой возникают новые способы организации, репрезентации и экспонирования данных (нелинейные структуры, визуализация данных и другие).

В своей статье «Зона обмена: координация убеждений и действий» П. Галисон пишет о взаимодействии таких узловых моментов практик, как теория, эксперимент и инструмент, и показывает, как, работая над стратегически важными заданиями во время Второй мировой войны, эти сферы начинают проникать друг в друга, в результате чего «была создана зона, в которой идеи, данные и оборудование могли циркулировать между группами» [5]. Это взаимопроникновение он определяет в терминах «динамики языков контакта, их стабилизации, структуры и расширения» [5], а «зоны обмена» П. Галисон определяет как «социальное и интеллектуальное пространство, в котором связываются воедино дотоле разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов» [5].

Автор рассматривает такого рода «пиджинизацию» на примерах из естественных наук, в частности из физики. И действительно, надо отметить, что такого рода триада (теория – эксперимент – инструмент) не свойственна гуманитарным наукам. Однако мы могли бы попробовать с этой точки зрения посмотреть на сферу цифровых гуманитарных наук.

Местом взаимопроникновения интерсистемных элементов для естественных наук становится лаборатория: «Я говорю о лаборатории не просто как о месте получения экспериментальных данных и выработки стратегий, а как об особом пространстве – как знаковом, так и материальном, – где возникает локальная координация убеждений и действий» [5]. В случае Digital Humanities на месте теории находится теория технического объекта, Software Studies, Interface Studies, Visualization Studies, Cultural Analytics и другие смежные сферы, в которых производится теоретическое знание. Развитие этих новых сфер непосредственно влияет на то, как трансформируется понятие объективности в науке [6]. На месте эксперимента можно представить конкретные эмпирические исследования с использованием цифровых аналитических инструментов. На месте инструментов располагаются сами эти цифровые аналитические эксперименты. П. Галисон называет эти сферы научными «субкультурами» и подчеркивает, что «относительная обособленность и отчужденность одной субкультуры от другой не исключают возможности переговоров между ними; скорее, это приводит к возникновению зон обмена» [5]. В случае цифровых гуманитарных наук за счет использования преимущественно цифровых инструментов, которые, хоть и имеют материальный характер (дата-центры, оптоволокно, кремниевые чипы и тому подобное), но объекты эти имеют иной эпистемологический статус, а медиальная специфика позволяет говорить о лаборатории Digital Humanities как о когнитивной лаборатории, распыленной в пространстве и различных медиумах.

Вопрос о том, почему в этом конкретном случае можно говорить об особом эпистемологическом статусе инструментов, используемых в цифровых гуманитарных исследованиях, понимаемых как зона обмена, состоящая из отдельных автономных зон, заслуживает более подробного рассмотрения.

От теории к инструменту – и обратно

Возвращаясь к триаде, заявленной в самом начале статьи, а именно триаде *инструмент – знание – институционализация*, попробуем более детально разобраться со спецификой инструментов, используемых в сфере Digital Humanities. С одной стороны, такого рода инструменты связаны с инженерным знанием, а с другой – в свернутом виде они содержат в себе и гуманитарное знание. Так, существует отдельное поле качественной аналитики текста, реализующееся в различных формах и институциональных форматах [11]. Методы цифрового литературоведения, развиваемые Франко Моретти, опираются на подход формальной школы, гуманитарной статистики Б. Ярхо и ранней и поздней семиотики [10]. Таким образом, мы можем посмотреть на инструменты, используемые в цифровой гуманитаристике, как инстру-

менты, в основе которых лежит не только инженерное, математическое знание и знание естественных наук (физики, химии и других), но и вполне теоретическое гуманитарное знание, которое в какой-то момент, когда возникли технические возможности, прошло этап формализации, а затем и инструментализации.

Учитывая все вышесказанное, мы можем наметить два вектора, один из которых обозначим как *инструментализацию онтологии* (той или иной картины мира, формализация и инструментализация которой со временем стала возможна), а другой – как *онтологизацию инструмента*, когда то знание, которое производится с помощью инструментов, принадлежащих той или иной социокультурной ситуации, позволяет отстраивать новую онтологию и в дальнейшем создавать инструменты с опорой на новые идеи и концепции.

Мы полагаем, что гуманитарное знание в сфере Digital Humanities имеет место именно во втором случае – случае онтологизации инструмента. Именно поэтому результаты, полученные в зоне цифровых гуманитарных наук и рассматриваемые по отдельности, кажутся лишь *продуктами производства*, но не гуманитарным знанием как таковым: их «объектный» характер не позволяет сделать шаг к новой онтологии.

Далее, разобравшись со спецификой цифрового инструмента, перейдем к стратегиям производства знания в Digital Humanities.

После hard и soft: еще более мягкая инфраструктура знания

Итак, благодаря возникновению и развитию цифровой культуры стало возможно становление такой специфической зоны обмена, как Digital Humanities. Цифровые инструменты, соединившие в себе инженерное и гуманитарное знание, позволили работать со специфической формой цифрового знака – данными (data), а чаще всего – с большими данными (big data). Рассмотрим данные более детально. С одной стороны, они сохраняют свою негативность, которая, согласно Ф. де Соссюру, характерна для всех знаков, и только соединяясь друг с другом, приобретают значение. В общем и целом, мы можем говорить о том, что знаки естественного языка приобретают значение благодаря синтагматике.

В случае с данными как одним из типов цифрового знака сами по себе отдельные элементы не несут никакого значения – и их семантика вне перспективы исследования «обнуляется». В этом они повторяют характер цифрового кода: сами по себе последовательности цифр ничего не значат, но приобретают значение для человека после семантического кодирования и декодирования. Андрей Володин пишет, что «данные определяют и через их номинальность, указывая на то, что, в отличие от операций (действий, процессов), данные выражаются подлежащим (с возможными его определениями). И по этой причине данные пассивны, пока исследователь не преобразует их в информацию, а затем и в знания» [4, с. 8].

Данные, объединенные в коллекции, приобретают значение, но благодаря не синтагматике, а своего рода парадигматике, так как в коллекции все элементы самим фактом помещения в коллекцию приобретают характер гомогенных элементов: «Поскольку все данные являются *carpa*, т. е. конструктором, созданным посредством интерпретации, базы данных можно считать мощными риторическими инструментами, которые часто репрезентируют себя как будто бы нейтральные наблюдения или записи событий, информации или вещей в мире» [17, р. 1].

Строго говоря, там, где в естественном языке присутствует отношение означающего и означаемого, в случае данных речь идет о процедуре негативности, вписанной в саму эту границу, поэтому про цифровой знак мы не можем сказать, что означающее и означаемое находятся в таких же отношениях, как, в случае знака естественного языка, по выражению Ф. де Соссюра, «две стороны одного листа».

Такое специфическое распределение значимости позволяет создавать совершенно иные семантические структуры, чем это позволяет делать естественный язык. Две первостепенные задачи, которые перед собой ставили с самого начала цифровые гуманитарные науки, – это создание всемирного корпуса оцифрованных документов, а также собственно цифровых хранилищ (баз данных, корпусов, архивов и т. д.) и их последующая разметка, единая для всех текстов. Для этого были созданы специальные формальные языки разметки и открытые профессиональные сообщества, в которых разрабатывались и распространялись методы, методики и инструменты разметки текстов – Text Encoding Initiative⁶.

По сути, задача Digital Humanities – это создание специфической информационной инфраструктуры, своего рода семантической сети, которая позволит создавать абсолютно но-

⁶ <http://www.tei-c.org/>

вые знаковые и символические целостности, в основе которых будут лежать не метафоры иерархии, а метафоры сети и те, которые придут ей на смену. На данный момент мы не можем считать этот проект хотя бы в какой-то степени состоявшимся. Он кажется, скорее, утопическим, чем реалистичным. Возможно, такие новые технологии, как облачные вычисления и еще более широкое распространение open source платформ, могут приблизить этот проект к реализации.

Однако с уверенностью можно говорить о том, что данные позволяют использовать в качестве коммуникационно состоятельных новые модели производства, организации и репрезентации знания. Так, например, математические модели, будучи на протяжении столетий индивидуальным когнитивным капиталом математиков, сегодня, обретая свою визуальную форму, становятся полноценными коммуникационными единицами. В России в 2010-х гг. выходил журнал «Инфографика»⁷, полностью состоящий из инфографических объектов и не содержащий никакого текстового материала.

Существующие и возможные модели институционализации: очень мягкие инфраструктуры и распыленные институты

Рассмотрим конкретные примеры институционализации в России и проанализируем, в каких отношениях они находятся со стратегиями производства знания. Опросник, анализ которых приводится ниже, содержал следующие вопросы: 1. Можете ли вы сказать, что работаете в поле Digital Humanities? Расскажите о своем опыте: когда и при каких условиях вы впервые соотнеслись со сферой цифровых гуманитарных наук. Можно ли сказать, что Digital Humanities – это самостоятельная дисциплина? 2. Можно ли сказать, что в отечественной гуманитарной традиции было (и/или есть) что-то, что в том или ином смысле можно было бы назвать Digital Humanities? Можно ли говорить о гуманитарном экспорте / импорте в данном случае? 3. Какие эпистемологические вызовы перед нами ставит Digital Humanities? 4. Есть ли у (исследовательского) инструмента язык? Если есть, связан ли он с естественным языком места, где инструмент разрабатывается? Является ли интересным вопрос отношений места, где производятся инструменты, и места, где производится дискурс, описывающий инструменты как часть практики? 5. Какие механизмы институционализации, на ваш взгляд, действуют в случае Digital Humanities в России? Назовите, пожалуйста, примеры успешной институционализации. 6. Можно ли сказать, что Digital Humanities – это специфическая «зона обмена»? Если да, то какова расстановка сил и какие сферы здесь замешаны? Можно ли посмотреть на это через проблему перевода и переводимости? Если да, то тогда тот же опрос: что, куда и с помощью кого / чего переводится? 7. Назовите тех, кто, как вам кажется, наиболее успешно функционирует в поле Digital Humanities в России, а также наиболее значимые цифровые гуманитарные проекты и исследования.

Проблемный статус Digital Humanities как дисциплины отметили все интервьюируемые. Некоторые из них на вопрос, работают ли они в поле цифровой гуманитаристики, отвечали положительно, однако подчеркивали, что либо они работают внутри таких традиционных дисциплин, как история и социология, и «зачастую пытаются отстоять свою идентичность, а не раствориться в ДН» (Денис Сивков, из опросника), либо определяли ДН как «поле исследований по типу преимущественно data-driven и технологически сложно компьютеризированных. Короче говоря, не дисциплина, не россыпь, а поле» (Андрей Володин, из опросника).

Один из вопросов, который возникает у исследователей, – это вопрос о зависимом характере цифровой гуманитаристики от других дисциплин и о необходимости верификации процедур и результатов ДН с их стороны: «Я не знаю, можно ли сказать, что Digital Humanities – это самостоятельная дисциплина. Для меня это не так. Я считаю, что она зависима (или должна быть зависима) от тех гуманитарных областей, с которыми связаны исследования Digital Humanities: исследовательские вопросы должны быть осмысленными с точки зрения гуманитарной области, методы должны быть верифицированы исследовательской традицией гуманитарной области» (Борис Орехов, из опросника).

Большую роль в понимании механизмов институционализации играют конференции, в частности ежегодные конгрессы Digital Humanities, которые в данном конкретном случае становятся не столько репрезентацией отдельных полученных результатов в конкретных сферах, сколько здесь-и-сейчас возникающими зонами обмена, где обсуждаются принципиаль-

⁷ <http://infographicsmag.ru/>

ные методологические вопросы, а также которые позволяют получить представление о том, как развивается само дисциплинарное поле. Также важны такие международные организации, например European Association of Digital Humanities (EADH), что указывает на интеграцию российских ученых в международное сообщество цифровой гуманитаристики.

Для ученых, работающих в Digital Humanities, характерны не столько внутриинституциональные отношения, сколько кросс-институциональные, например проект Material Networks: German-Russian knowledge exchange via laboratories, instruments, models and tissues (руководитель Анна Котомина), где работают ученые, аффилированные с разными институциями, но сам проект разрабатывается без какой бы то ни было институциональной базы, а также «Обнинский цифровой проект» (руководитель Галина Орлова), в разное время поддерживавшийся различными институциями, но имеющий, по сути, независимый характер. Также есть примеры успешно функционирующих исследовательских проектов, не связанных ни с какой академической институцией, например проект «Прожито», в рамках которого создает и размещается цифровой архив личных дневников. Проекты, имеющие четкую институциональную базу в виде кафедры или центра, как правило, непосредственно включены в грантовую политику и в проектной деятельности ориентированы на получение практических результатов, поэтому акцент делается преимущественно на работу с конкретными цифровыми инструментами.

Примечательно, что среди институциональных единиц (кафедр и центров), связанных с цифровой гуманитаристикой, на уровне названия эта связь поддерживается в минимальном количестве случаев: Центр цифровой гуманитаристики Пермского университета; кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях Сибирского Федерального университета в Красноярске; ассоциация «История и компьютер»; Российская ассоциация цифровых гуманитарных наук; Центр цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ; кафедра графических технологий Санкт-Петербургского исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО); кафедра исторической информатики МГУ, имеющая богатую историю и выросшая из лаборатории исторической информатики, в которой осуществлялись исследования в русле количественной истории. Также интересно, что ученые подчеркивали типологическую связь с отечественной традицией 1960-х гг., называя в качестве типологически близких явлений Московско-Тартускую школу, а также конкретные работы, например уже позже опубликованную книгу Б. Ф. Егорова «Кибернетика и литературоведение», а также работы А. Н. Колмогорова [8] и В. С. Баевского [3]. Англоязычную историю Digital Humanities также связывают с технологическим развитием 1950–1960-х гг. и с практиками машинного перевода [16, с. 123].

Digital Humanities как готовый концепт с очерченными теоретическими установками и непротиворечивыми инструментами используется только там, где речь идет об академическом экспорте. В большем количестве случаев ученые устанавливают связь с отечественной академической традицией. Один из эпистемологических вызовов, стоящий перед цифровой гуманитаристикой, – это «проблема произвольности корреляций»: «Часто возникает ощущение, что интерпретация данных может быть и другой. Зачастую визуализация заслоняет методологические промахи. Начинает казаться, что работа с корпусами и данными – это всего лишь эстетический проект» (Денис Сивков, из опросника); «сводим ли любой гуманитарный исследовательский материал к коду?» (Андрей Володин, из опросника). При этом исследователь отмечает, что «связь с естественным языком вторична» и «исследовательский инструмент может иметь связь с естественным языком лишь по необходимости». Тогда возникает вопрос о семантическом посредничестве естественных и программных языков. При этом Борис Орехов отмечает, что «место, где разрабатывается инструмент, конечно, влияет на его устройство и применение. А сам инструмент, в свою очередь, моделирует исследовательские практики».

Подводя итоги, можно сказать, что механизмы институционализации непосредственно связаны со стратегиями производства знания, которые не существуют изолированно и тесно связаны с эпистемологическим запросом эпохи и выражаются как в самих технологиях, использующихся в исследовании, в свернутом виде содержащих и гуманитарное знание, так и в коммуникационных практиках. Цифровые гуманитарные науки преимущественно не работают как нормальные дисциплины в рамках отдельных институциональных образований. Не функционируют они и как междисциплинарные образования, предполагающие соединение разной степени плотности двух и более дисциплин. Скорее цифровые гуманитарные науки определяются как специфическая медиальная зона – зона обмена, где возникают многоплановые отношения между слоями знания, практиками и технологиями, предполагающие также возникновение рассеянных институциональных структур.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. 704 с.
2. Ансворт Дж. Чем является и чем не является гуманитарная информатика // Цифровые гуманитарные науки : хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер ; пер. с англ. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2017. 352 с.
3. Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М. : Языки славян. культуры, 2001. 336 с.
4. Володин А. Ю. Digital Humanities (Цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3(26). С. 5–12.
5. Галисон П. Координация убеждений и действий // Вопросы естествознания и техники. 2004. № 1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM>
6. Галисон П., Дагтон Л. Объективность. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 584 с.
7. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М. : Изд-во «Весь мир», 2016. 264 с.
8. Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. М., 1965. Вып. 1. С. 3–11.
9. МакГанн Дж. Информационные технологии и кризис в гуманитарных науках // Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер / пер. с англ. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2017. 352 с.
10. Моретти Ф. Дальнее чтение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 352 с.
11. Орлова Г. А. Е-оксюморон: дигитальное как качественное // ЭНУЖ «История». 2016. № 7 (51).
12. Террас М. Порядок в учебном предмете: использование педагогической теории для анализа гуманитарной информатики // Цифровые гуманитарные науки : хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер / пер. с англ. Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2017. 352 с.
13. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне университета. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 384 с.
14. Burdick A., Drucker J., Presner T., Schnapp J. Digital Humanities. MIT Press, 2012.
15. Carter B. Digital Humanities: Current Perspective, Practices, and Research (Cutting-Edge Technologies in Higher Education). Emerald Group Publishing Ltd, 2014. Burdick P., Lunenfeld P.
16. Defining Digital Humanities: A Reader / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). Ashgate Publishing Ltd, 2013.
17. Drucker J. Introduction to Digital Humanities Concepts, Methods, and Tutorials for Students and Instructors. California : UCLA Press, 2014. 119 p.
18. Kirschenbaum M. What Is Digital Humanities and What's It Doing in English Departments? URL: <https://mkirschenbaum.files.wordpress.com/2011/03/ade-final.pdf>
19. Manovich L. Database as Symbolic Form. Millennium Film Journal. № 34. Fall 1999. URL: http://www.mfj-online.org/journalPages/MFJ34/Manovich_Database_FrameSet.html
20. The Digital Humanities Manifesto 2.0 URL: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf

Digital Humanities in the Russian Context: the Trajectory of Institutionalization and the Mechanisms for the Formation of Autonomous Zones

E. V. Samostienko

PhD of philological sciences, senior lecturer of the Department of Russian literature,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0002-7687-8560. E-mail: eugeniasuslova@gmail.com

Abstract: the article explores in detail the phenomenon of Digital Humanities in the context of the Peter Galison's "trading zones" theory, which the author understands as "local coordination of beliefs and actions." The aim of the research is to show that the methods of knowledge production, working in Digital Humanities, influence the mechanisms of its institutionalization. The article analyzes in detail the attitude of the *tool – knowledge – institutionalization* and draws conclusions about actual and potential models of the institutionalization of this "exchange zone" in the Russian context. The material for the article was research on the theory and methodology of Digital Humanities, textbooks, readers and methodological guides for students, Digital Humanities Projects and five interviews with researchers actively working in the field of Digital Humanities. The field of Digital Humanities has a problematic disciplinary status and can not be called interdisciplinary one, not by its structure or by practice.

In the course of the study, we show that digital humanities function as a kind of cognitive laboratory that has virtual extensions in the digital space. Considering the relationship between knowledge production strategies and tools, we come to the conclusion that without understanding the nature of humanities knowledge, keeping inside digital analytical tools (for example, tools for text analysis), it is impossible to comprehend the epistemological vector of Digital Humanities research. It can be concluded that Digital Humanities gravitate toward a diffused mode of functioning: conferences, projects, cross-institutional associations, the collective nature of research practices, the successful functioning of extra-institutional research projects, which is directly related to the methods of producing knowledge in the Digital Humanities.

Keywords: epistemological challenge, trading zone, strategies of producing knowledge, Digital Humanities, analytical tools.

References

1. Avtonomova N. S. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experiments of philosophy of language]. M. Rus. Polit. encycl. (ROSSPEN). 2008. 704 p.
2. Unsworth John. *CHem yavlyaetsya i chem ne yavlyaetsya gumanitarnaya informatika* [What is and what is not humanitarian informatics] // *Cifrovye gumanitarnye nauki : hrestomatiya* – Digital Humanities: reader / ed. M. Terras, D. Naihan, E. Vanhutta, I. Kizner; transl. from English. Krasnoyarsk. Siberia Fed. University. 2017. 352 p.
3. Baevskij V. S. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury* [Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature]. M. Languages of the Slavs' culture. 2001. 336 p.
4. Volodin A. YU. *Digital Humanities (Cifrovye gumanitarnye nauki): v poiskah samoopredeleniya* [Digital Humanities: in search of self-determination] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of Perm University. 2014, issue 3 (26), pp. 5–12.
5. Galison P. *Koordinatsiya ubezhdenij i dejstvij* [Coordination of beliefs and actions] // *Voprosy estestvoznaniya i tekhniki* – Questions of natural science and technology. 2004, No. 1. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM>.
6. Galison P., Daston L. *Ob "ektivnost"* [Objectivity]. M. New lit. review. 2018. 584 p.
7. Kasavin I. T. *Social'naya filosofiya nauki i kollektivnaya ehpiistemologiya* [Social philosophy of science and collective epistemology]. M. Publishing house "Ves' mir". 2016. 264 p.
8. Kolmogorov A. N. *Tri podhoda k opredeleniyu ponyatiya "kolichestvo informacii"* [Three approaches to the definition of "amount of information"] // *Problemy peredachi informacii* – Problems of information transfer. M. 1965. Issue 1. Pp. 3–11.
9. McGann John. *Informacionnye tekhnologii i krizis v gumanitarnykh naukakh* [Information technology and the crisis in the humanities] // *Cifrovye gumanitarnye nauki : hrestomatiya* – Digital Humanities: reader / ed. M. Terras, D. Naihan, E. Vanhutta, I. Kizner / transl. from English. Krasnoyarsk. Sib. Fed. University. 2017. 352 p.
10. Moretti F. *Dal'nee chtenie* [Distant reading]. M. Publ. of Institute n.a. Gaidar. 2016. 352 p.
11. Orlova G. A. *E-oksyumoron: digital'noe kak kachestvennoe* [E-the oxymoron: a digital as a quality] // *EHNOZH «Istoriya»* – ENOI "History". 2016, № 7 (51).
12. Terras M. *Poryadok v uchebnom predmete: ispol'zovanie pedagogicheskoy teorii dlya analiza gumanitarnoy informatiki* [Order in an academic subject: using educational theory to analyze humanitarian informatics] // *Cifrovye gumanitarnye nauki : hrestomatiya* – Digital Humanities: a reader / ed. by M. Terras, D. Naihan, E. Vanhoutte, I. Kizhner / transl. from English. Krasnoyarsk. Siberia Fed. University. 2017. 352 p.
13. Fuller S. *Sociologiya intellektual'noj zhizni: kar'era uma vntri i vne universiteta* [Sociology of intellectual life: a career of the mind inside and outside the university]. M. Publ. house "Delo" of Russian Academy of Economy and State Service. 2018. 384 p.
14. Burdick A., Drucker J., Presner T., Schnapp J. *Digital Humanities*. MIT Press, 2012.
15. Carter B. *Digital Humanities: Current Perspective, Practices, and Research* (Cutting-Edge Technologies in Higher Education). Emerald Group Publishing Ltd, 2014. Burdick P., Lunenfeld P.
16. *Defining Digital Humanities: A Reader* / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). Ashgate Publishing Ltd, 2013.
17. Drucker J. *Introduction to Digital Humanities Concepts, Methods, and Tutorials for Students and Instructors*. California : UCLA Press, 2014. 119 p.
18. Kirschenbaum M. *What Is Digital Humanities and What's It Doing in English Departments?* Available at: <https://mkirschenbaum.files.wordpress.com/2011/03/ade-final.pdf>
19. Manovich L. *Database as Symbolic Form*. Millenium Film Journal. № 34. Fall 1999. Available at: http://www.mfj-online.org/journalPages/MFJ34/Manovich_Database_FrameSet.html
20. *The Digital Humanities Manifesto 2.0* Available at: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf